

Евгений Усович

Эффект Буратино

Фантастическая повесть

*«...Длинный нос
Буратино проткнул
насквозь котелок,
потому что... и очаг, и
дым и котелок были
нарисованы бедным
Карло на куске старого
холста».*

А.Н. Толстой

Ночь... Тусклая луна щербато усмехается в моем окне... Ночь... и тишина,... данная навек... Или просто одинокая лампочка отражается в запотевшем стекле?... Я вдали... вижу город, которого нет... И не окно это вовсе, а привычный театральный занавес, расписанный искусным декоратором... А города нет, и тишины вечной нет, и воды нет одной и той же... Этот режиссер всегда умело и вовремя меняет декорации... «Весь мир театр, и люди в нем актеры»... Знал ведь великий лгун, что театр-то марионеточный, наверняка знал... А промолчал. Или, может, кто-то тяжкую длань возложил на гениальное перо? Тут и гадать нечего. Сам кукловод и возложил. А ну как,

неровен час, куклы сами за веревочки дергать надумают... Думать-то никто не запрещал. Тут уж всему спектаклю... Вот, вот... Не-ет, каждому в своей реплике дернуться назначено им лично. Были ведь уже такие инициативные... И что получилось? Каждому свое... Каково? Так что знать об этом положено только кукловоду...

Кажется, идут ко мне... или опять смена декораций?

...

Я проснулся среди ночи с ощущением того, что меня внезапно с головы до ног облили чем-то невесомым, и в то же время противно липким. Голова слегка кружилась, и меня даже поташнивало. Я закрыл глаза и потряс головой. Тошнота прошла. Я снова открыл глаза и огляделся. Неясный сумрак странного рассвета до неузнаваемости изменил очертания комнаты. Зыбкие тени свешивались с потолка, выглядывали из-за мебели и, казалось, медленно втягивались под тяжелые лапы стоявшей в углу, еще не украшенной елки. Шорохи, бормотание, вздохи и даже покашливание странно подчеркивали тишину ночи. Часы на стене, вздохнув, пробили два раза, на третьем крикнули и натужно закрипели. Я машинально бросил на них взгляд и вздрогнул. На часах, нахохлившись, сидела голубая птица, очень

похожая на ворону. В клюве она держала стрелку от часов, видимо, только что оторванную. Заметив мой взгляд, ворона хихикнула и, распространяя голубое свечение, юркнула под елку.

— Сплю, — радостно подумал я. — И сон такой интересный.

С этой приятной мыслью я повернулся на бок и, уютно подоткнув подушку под щеку, закрыл глаза.

И тут до меня донесся запах горячего утюга.

— Станный сон, — подумал я. — С запахами.

Не открывая глаз, я полежал еще немного. Запах усилился. Потом послышался шипящий звук. Будто кто-то гладил брюки через мокрую тряпку.

— Нет, правда, странный сон, — еще раз подумал я. — Пожалуй, лучше проснуться.

Я приоткрыл глаза, но тут же закрыл их снова, стараясь успокоить неожиданно забившееся сердце. Ворона сидела на столе, расправив крылья, по которым ездил огромный черный утюг. Она жмурилась от удовольствия и время от времени брызгала на крылья водой из аквариума. От крыльев шел пар.

— Кыш! — сказал я шепотом и махнул на ворону рукой.

Она презрительно скосила на меня глаз, неторопливо бросила утюг в аквариум и под его

отчаянное шкворчание порхнула под диван. Слышно было, как она ходит там, постукивая когтями. Я потянулся к торшеру и щелкнул выключателем, но он не сработал. Ворона под диваном захохотала, потом закричала, и вдруг из-под дивана по комнате разлился неожиданный сиреневый свет. Я наклонился и, подняв край одеяла, заглянул под диван. Ворона, растопырясь, сидела над моим тапочком, в котором лежало, распространяя сияние, великолепное сиреневое яйцо. Увидев меня, ворона сошла с тапочка и важно прошествовала на середину комнаты. Там она оглянулась, нахально нагадила на пол и шмыгнула под елку. Я схватил второй тапочек и бросил ей вслед.

Надо было вытереть пол. Я нехотя встал и поплелся на кухню. Холодильник не работал. Под дверцей успела набежать лужица воды. Из репродуктора, стоявшего на холодильнике, доносилось заунывное бормотание. Повернув регулятор громкости, я прислушался. В репродукторе замолчали, только кто-то отчетливо сопел. Так продолжалось с минуту.

— Сделай тише, придурок, — наконец прохрипел невидимый голос. — Кота разбудишь.

— Сам придурок, — обиженно сказал я, но громкость уменьшил.

— Нормально, — проворчал невидимка, и

репродуктор опять монотонно забубнил.

Я пожал плечами и открыл дверцу холодильника, чтобы он быстрее оттаял. В холодильнике что-то завозилось, оттуда мягко выпрыгнул большой розовый кот, зевнул на меня и неторопливо ушел в комнату. От кота уютно пахло коньяком. Я поднял тряпку и отправился за ним. Все это меня начинало сильно занимать.

В комнате стало заметно прохладнее. Яйцо под диваном горело ровным светом, пахло ошпаренной курицей.

— Надо бы проветрить, — подумал я и полез на подоконник.

Хваленый двухкамерный металлопластик промерз насквозь, хотя еще с вечера имела место сильная оттепель. В замысловатых узорах явно различались какие-то буквы. Приглядевшись, я разобрал: «С Новым Годом!». Я подышал на стекло, потом приложил к нему палец. В протаявшую дырочку было видно, что идет сильный снег. Окно открываться не хотело.

— Ну и черт с тобой, — сказал я. — Заграница она и есть заграница.

Буквы на стекле засветились тихим мерцающим светом.

Я бросился к календарю. То же самое: «1 января».

По ногам потянуло холодом. Я нашарил под

диваном тапочек и, осторожно вытянув его из-под яйца, полез за вторым под елку. Там было очень холодно.

— Пожалуй, шапку надо надеть, — почему-то подумал я, но в это время моя рука наткнулась на что-то холодное и мокрое, и я поспешно выдернул ее. Рука была в снегу.

— Ну и дела. — По спине противно пополз холодок. — Чертовщина, да и только.

— Вот именно, — проворчал кто-то за спиной.

Я вздрогнул и оглянулся. Кот стоял перед зеркалом и пришивал к розовому пузу огромную пуговицу. Втыкая в него кривую иголку, он каждый раз страдальчески морщился, и со злостью дергал нитку.

— Брысь! — заорал я и швырнул в кота тапочком.

Кот ловко извернулся, на лету впрыгнул в тапочек, заложил лихой вираж по комнате и, завопив: «Fuck you!», унесся под елку.

Надо было что-то предпринимать.

Я еще немного посидел, потом приволок из ванной швабру, и, для начала, ткнул ее под елку. Там глухо заворчало, швабра дико задергалась у меня в руках, и я поспешил выдернуть ее. Конец швабры был изжеван так, будто она попала под гусеничный трактор.

Я опустился на пол и помотал головой. В голове царствовал полнейший бардак. Впрочем, в комнате тоже. По стенам бежали непонятные надписи, стулья раскачивались, чудом стоя на задних ножках. Журнальный столик как-то бочком подобрался ко мне и, задрав ногу, изготовился в позе только что выскочившего из квартиры на улицу пса. Я пнул его ногой и вскочил. Сразу стало заметно, что в комнате довольно противно воняет. Вдобавок, проклятое яйцо теперь мигало в каком — то сумасшедшем, дергающемся ритме. Я схватил тряпку и набросил ее на яйцо. Тряпка немедленно задымилась. Тогда я вооружился совком и, вкатив на него яйцо покалеченной шваброй, побежал в ванную. Повертевшись между ванной и унитазом, я все-таки выбрал последний, стряхнул туда яйцо и поспешно спустил воду. Вода мгновенно замерзла, и унитаз неожиданно засветился изнутри чудесным сиреневым светом, будто выточенный из горного хрусталя. От неожиданности я отскочил от него, открыв рот. Потом протянул руку и осторожно нажал на рычажок. Он тут же с легким треском обломился и, упав на пол, закатился за унитаз. Великолепное сооружение было выполнено из цельного куска льда.

В комнате что-то зловеще ухнуло, раздался звон разбитого стекла и, немного погодя, жалобный детский плач. Волосы у меня встали дыбом. На

подкашивающихся ногах я выбрался из ванной и осторожно заглянул в комнату.

Чертов кот сбросил на пол аквариум и теперь, стоя на коленях, поднимал с пола рыбку и жалобно рыдал над ней так, что у меня заходило сердце. Потом он отправлял несчастную рыбку в пасть и принимался рыдать над следующей.

Я тихонько отполз в коридор, сел на пол в уголке и, под подозрительное сопение висевшей надо мной дубленки, принялся перебирать в памяти скудные свои сведения о борьбе с нечистой силой...

И тут в дверь постучали.

Я мгновенно облился холодным потом. Как ни странно, за моей спиной тоже все затихло.

— Кт-то там? — наконец смог выдавить я, не узнав своего голоса.

В дверь снова постучали.

— Степаша, это я, баба Вера... Ты что, спишь еще? Открой, милоч, я тебе пирожков рождественских принесла...

— Баба Вера, это вы что ли? — я облегченно вздохнул и вскочил с пола. Наконец-то, нормальный человек появился. — Подождите, сейчас открою... Что это вы вдруг посреди ночи?

— Да какая же ночь, милоч, — засмеялась соседка, вplывая в коридор с миской, накрытой легким полотенцем. От миски тянулся волшебный аромат знаменитых Бабивериных пирожков. — Уж

десять пробило. Я и новости успела послушать.

— Вы хотите сказать, что сейчас утро? — ошеломленно спросил я. — И причем здесь Рождество? Новый Год же еще не...

— Э-э, Степаша, да тебе, никак, опохмелиться бы не вредно, — засмеялась баба Вера. — Праздновал вчера, что ли? А ну, пойдём-ка на кухню...

— Да... понимаете, туда нельзя, — быстро сказал я.

— Что такое? — удивилась баба Вера. — Вчера можно было, а сегодня нельзя... Ты что, подружку завел?

— Да нет, — я неуклюже пытался загородить ей путь. — Там у меня это... ну, беспорядок.

— Да у тебя всегда беспорядок, — сказала соседка, мягко вталкивая меня в кухню. — Подумаешь, удивил. Давай-ка, ставь чайник.

— Свет не включается, — виновато сказал я. — И газ, кажется, тоже.

— Зачем нам свет? — ворковала баба Вера, колдуя над плитой. — У нас день на дворе. Солнышко-то какое, а? Ничего, сейчас чайку попьем, все, как рукой снимет. А хочешь, я пивка принесу? У меня бутылочка есть...

— Пивка, это хорошо, — пробормотал я, с тоской глядя на темное замерзшее окно. — И солнышко тоже хорошо... И тепло...

...Меня снова будто облили вдруг чем-то невесомым. Голова странно закружилась. Я закрыл глаза и схватился за стул.

— Да ты, никак, заболел, милоч, — озабоченно сказала баба Вера. — Ты вчера не отравился? Ел-то что? Я тебе сколько говорила, приди ко мне, поужинай, как человек. Котлеток, борщичка...

Голова перестала кружиться. Тошнота прошла. Я открыл глаза. Баба Вера смотрела на меня испуганно и участливо. На столе исходила яблочным ароматом тарелка с пирожками, яростно свистел чайник. Но самое главное, кухню заливали веселые лучи яркого зимнего солнца.

— Фу-у! — сказал я облегченно. — Неужели все? Господи, баба Вера, как же я рад Вас видеть. Давайте скорей чай пить, а то я, кажется, здорово проголодался...

...

Ближе к обеду, почти переварив пирожки и откупорив третью бутылочку пива, я, наконец, обрел способность мыслить более или менее логично.

Допустим, у меня был обыкновенный заскок, или, по-другому, сдвиг по фазе, или просто сдвиг. Мы люди продвинутые, Кастанеду почитывали. Так что гаюниками такого рода нас запросто не возьмешь. С другой стороны, а если это вовсе не

галюники? Тогда должны остаться следы. Не мог же такой кавардак пройти совершенно бесследно.

Держа в руке бутылочку, я поднялся с дивана и подошел к стене, на которой висели часы. Часы как часы, все на месте, циферблат, стрелки... Я тщательно осмотрел стрелки... Нет, абсолютно никаких признаков поломок. Я вздохнул и наклонился к аквариуму. Рыбки немедленно всплыли и принялись нетерпеливо открывать рты. Я машинально покрошил им корм и пересчитал. Все были на месте. Что еще? Ах, да — утюг. В аквариуме его, естественно, не было. Может быть, под диваном? Я наклонился и посмотрел под диван. Газета... грязный носок... крышечка от пива... и, самое главное, ровный, ничем не тронутый толстый слой пыли...

Еще раз оглядев комнату, я отправился на кухню. Репродуктор тихо бормотал что-то неразборчивое. Я повернул регулятор. Динамик послушно усилил звук и многозначительно предложил новые, еще более тонкие прокладки... Я убрал звук и принялся за холодильник. Несколько минут осмотра не дали никакого результата. Вздохнув, я отхлебнул из бутылки и направился в ванную. Там тоже все было в порядке. Швабра имела вид потертый, но не изломанный, тряпка была без дырок, унитаз... Пиво, при виде унитаза, попросилось наружу, я с облегчением справил

малую потребность и протянул руку, чтобы спустить воду...

Рычажка на бачке не было.

Несколько мгновений я остолбенело смотрел на бачок, потом в голове вспыхнуло: сиреневый унитаз из чистейшего льда... я нажимаю рычажок... он обламывается и падает куда-то вниз... Потом вопит кот...

Я наклонился и заглянул за унитаз. Возле стояка, на полу, темнела лужица воды, а в ней плавал маленький кусочек льда.

Ноги у меня тут же противно задрожали. Машинально поставив бутылку в раковину, я опустился на колени и протянул руку к мирной на вид лужице. Почему-то трогать ее мне совсем не хотелось. Наконец я собрался с духом и, обмакнув палец в воду, поднес его к носу. Вроде вода и вода, ничем не пахнет. Я потрогал кусочек льда. Холодный... Чуть прижав к нему палец, я поднял льдинку и поднес к глазам. Лед тоже был совершенно обычный. В другом месте я бы на него и внимания не обратил. Но вот как он здесь оказался?... Ледышка на пальце растаяла. Еще несколько мгновений я тупо смотрел на палец, потом потянулся за бутылкой. Черт возьми, и пиво кончилось, некстати. Надо бы еще сходить. После вчерашнего что-то очень уж пить хочется.

Поднявшись с колен, я пошарил по карманам

спортивных брюк в поисках мелочи. Но карманы, естественно, были пустыми, и я побрел к вешалке. Там, в куртке, или в дубленке должен быть кошелек. Сначала я обыскал куртку, опасливо поглядывая на дубленку. Денег в куртке не оказалось, и я, вздохнув, сунул руку в карман дубленки...

И в этот момент у меня над ухом, как в фильме ужасов, прогремел телефонный звонок.

Кровь отхлынула у меня от лица. Я вдруг испытал такой страх, что прислонился к стене, стуча зубами.

Звонок прозвучал снова, вкрадчиво и мягко.

— Господи, — прошептал я, глядя на аппарат, как на притаившегося монстра. — Это же просто телефон... Ну, звенит... А, может не меня? Или номером ошиблись...

На этот раз звонок прозвучал жестко и требовательно, хотя тембр его совершенно не изменился. Я схватил трубку, и прижал ее к уху.

— Алло! Вам кого?

— Это квартира Степана Владимировича Ремизова? — прочирикал вышколенный секретарский голос.

— Ну, — прохрипел я и, прокашлявшись, поправился. — Да, это я.

— Сейчас с Вами будут говорить. Не кладите трубку.

— Я не кладу, — сказал я. — А кто будет говорить?

— Степан Владимирович? — жирный баритон в трубке звучал солидно и как-то ободряюще. — Здравствуйте. Во-первых, разрешите поздравить Вас с Рождеством Христовым...

— И Вас тоже, — проямлил я. — И с Новым Годом прошедшим... А Вы, собственно...

— Вот, вот, — продолжил баритон. — Вспомните, пожалуйста, Степан Владимирович, перед Новым Годом Вам не приносили никакой посылки?

— Посылку? — озадаченно переспросил я, и вдруг вспомнил. — А-а, ну, да, да... Приносили. Только это не мне. Я ребятам говорил, а они сказали, что разберутся и оставили...

— Я в курсе, Степан Владимирович, — мягко сказал баритон. — Мы разобрались. Посылка отправлена Вам по ошибке. Через два часа мы ее заберем. К Вам приедут те же ребята. Вы их узнаете?

— Н-ну да, — неуверенно сказал я. На самом-то деле мы в конторе перед Новым Годом здорово наквасились, и я только и вспомнил, что, действительно кто-то поднял меня с постели и всучил эту самую посылку. Кстати, я даже не представляю, куда ее засунул...

— Надеюсь, с посылкой все в порядке? —

строго осведомился баритон. — Дело в том, что там очень важный, ну, скажем, прибор. У вас с заказчиком похожие адреса, и к Вам этот прибор попал по ошибке. Очень хотелось бы надеяться, что с Вами ничего не случилось...

— Ага, — сказал я. — А могло, значит, случиться?

— Я очень надеюсь, что нет, — с нажимом повторил баритон. — Во всяком случае, Ваши издержки, связанные с этим инцидентом, мы незамедлительно и в надлежащем размере компенсируем... А сейчас разрешите откланяться. Еще раз прошу передать посылку нашим представителям в целости и сохранности. До свидания.

— До свидания, — машинально повторил я.

Положив трубку, я огляделся. А ведь, действительно, была какая-то посылка. Я и забыл про нее. Куда же, черт возьми, я ее засунул? Так, ну-ка, подумаем...

Зал я отбросил сразу. Там я уже все осмотрел. В кухне?... Ну, разве что под мойкой посмотреть... Я посмотрел под мойкой. Там посылки не было. Не было ее и в посудном шкафу. И на антресолях в коридоре ее тоже не было. Оставалась кладовка. Правда, туда я мог засунуть ее только разве что по пьяни, потому что уже давно боялся туда даже заходить, такой там был бардак.

Вздохнув, я открыл дверь, отодвинул в сторону выпавшие кастрюльки, оставшиеся от тех славных времен, когда у меня еще была жена, и приступил к осмотру.

Через полчаса, совершенно выдохшись, я понял, что в кладовке посылки тоже не было. К тому же, отчаянно хотелось пива. Выругавшись про себя, я пошел в комнату и, упав на диван, попытался размышлять. Размышлять, откровенно говоря, не хотелось. Я просто смотрел на елку и подумывал о том, не сходить ли за пивом в ближайший ларёк.

Тяжелая мохнатая лапа покачивалась почти у самого пола. На этот раз мне повезло. Классная попалась елка, пушистая... Как я любил когда-то подарки Таньке прятать под такой вот красавицей...

Стоп. Я вздрогнул. Вчера ведь вся нечисть исчезала именно под елкой... И холод оттуда такой ужасный шел, будто дыра прямо на улицу...

Я сполз с дивана и, опустившись на колени, раздвинул ветви. Ну, конечно. Так и есть. Спрятавшись в темной зелени, у самого ствола мирно стояла небольшая картонная коробка, в которой мог разместиться, скажем, принтер. Я осторожно достал ее и вытащил на середину комнаты. Коробка была сравнительно легкой. Я внимательно осмотрел ее, но не увидел никаких

надписей, названий фирм, картинок... Вообще ничего. Обыкновенная серая коробка. Правда, по краю шла тонкая желтая полоса. Единственное, что могло привлечь в этой коробке, так это то, что она была открыта.

Ах, сколько же раз мне предлагали в трудных ситуациях прислушиваться к внутреннему голосу. Он уж не обманет. Не знаю, не знаю... В данный момент во мне препирались три голоса. Один с нажимом требовал немедленно открыть коробку и дальше поступать по обстоятельствам. Второй, явно трусливый тип, предлагал ее не трогать, а отнести к двери, поставить там и дожждаться хозяина, а — то — как — бы — чего — не — вышло. Третий вообще нудно бубнил, что сначала надо сбегать за пивом. Некоторое время я прислушивался к этой перепалке, потом решительно взял коробку в руки и открыл.

В жатом полиэтиленовом пакете было завернуто что-то, очень похожее на переносной радиоприемник. Аккуратно сняв пакет, я положил его в сторонку и благоговейно взял прибор в руки. Приемник он, действительно, напоминал, но и только. Во-первых, на матовом зеленоватом корпусе не имелось никакого названия. Во-вторых, он был восьмиугольным. И на каждой из сторон вместо динамиков имели место странные, наползающие друг на друга, сетчатые пластины.

Шкалы, в известном смысле, не было тоже, вместо нее наверху расположился сложный многоступенчатый верньер. Зато дисковод был самым обычным, и я улыбнулся ему, как старому знакомому. Кроме этого на корпусе имели место: счетчик, о котором свидетельствовали ячейки: «час.», «мин.», «сек.», какая-то линза, больше всего напоминающая объектив телекамеры, и несколько кнопок.

Поколебавшись, я осторожно дотронулся до той, под которой было написано «Вкл.» Панели прибора, верньер, кнопки тут же мягко осветились. На счетчике появились цифры «0 час.» «0 мин.» «0 сек.» Начало было вполне успешным. Я немного приободрился и взглянул на часы. У меня имелся, по крайней мере, еще целый час, и я решил продолжить. Верньер, переливающийся полусотней огоньков, я трогать не решился. Вместо этого я нажал кнопку под дисководом и с удовлетворением убедился, что внутри находится самый обычный DVD — диск, или что-то очень на него похожее. Брать его в руки я не стал. Закрыв дисковод, я стал искать, что бы нажать еще, пока не увидел надпись «Автонастройка». Логика подсказывала, что настроить аппарат сам я вряд ли смогу, и, поэтому, автоматическая настройка будет вполне уместна. Потом я установил на счетчике «0 час.», «2 мин.», «0 сек.» и, еще раз взглянув на часы, нажал кнопку

«Старт».

Несколько секунд с аппаратом ничего не происходило. Потом сетчатые пластины начали сдвигаться в стороны и вперед. Из-под них медленно заструился воздух, совсем такой, как над шоссе летом. Я отчетливо видел, как он стекает на пол и расплзается вокруг моих ног. Я поспешно поджал ноги под стул и тут ощутил пристальный взгляд. Я инстинктивно оглянулся, но никого не обнаружил. Взгляд был таким пронзительным, что мне стало не по себе. Я посмотрел на прибор и вздрогнул. То, что я принял за линзу телекамеры, горело тревожным рубиновым светом, и этот свет, будто луч лазера, проникал мне прямо в мозг.

— Пора кончать, — подумал я. — Зря я все это затеял...

Выключить прибор я не успел. Знакомая липкая волна окатила меня, и легкая тошнота на секунду прервала дыхание. Но к этому я уже был готов...

...Странный звук из кухни привлек мое внимание. Я оторвался от прибора и прислушался. Снова послышался стук сковородки и до боли знакомое пение. Эту песенку по утрам мог петь только один человек на свете... Опрокинув стул, я вскочил и кинулся на кухню.

...Она была в моей любимой батистовой рубашечке, сквозь которую при каждом движении

розовела аккуратная попка. Желание тут же дикой волной поднялось во мне, напрочь смывая все остальные чувства. Я подошел к ней и, обняв, зарылся лицом в непричесанную, душистую гривку волос.

— Танька-а!

— Эй, эй, — захихикала она, мягко выворачиваясь из моих объятий. — Ночи не хватило, что ли? И так, будто на ипподроме... Сексжокей, блин...

Но я уже не мог с собой совладать и, едва дыша, обхватил ее за бедра.

— Ой, да подожди! — закричала Танька. — Вот жеребец чертов! Дай хоть сковородку с огня сниму...

Но тут липкая волна снова накрыла меня. Я очнулся возле газовой плиты, вцепившись в облупленные края побелевшими пальцами. Ноги противно дрожали от неутоленного желания, сердце билось тяжело и неровно.

Через несколько секунд я пришел в себя и взглянул на часы. Прошло чуть больше двух минут. Однако, ничего себе, приборчик... А что, если бы я его запустил, к примеру, минут на пять, или даже на десять? Представив себе возможное развитие ситуации, я тоскливо замычал и потряс головой, отгоняя сладкое видение.

Так, теперь поскорей запаковать эту